

Микрюкова К.В.

студент магистратуры

3 курс, факультет «Исторический»

Стерлитамакский филиал Башкирского Государственного

Университета

Россия, г. Стерлитамак

РЕЛИГИЯ И ЕЕ АЛЬТЕРНАТИВЫ

Аннотация: Данная статья посвящается обоснованию отдельных аспектов социального, нравственного, правового статуса религии, оценки с позиций естественного и сверхъестественного, сравнительному анализу религиозной и нерелигиозной веры, раскрытию социальных ориентиров и смысла жизни человека, определяемых религией и атеизмом, направленной против правовой дискриминации атеизма.

Ключевые слова: религия, секуляризм, альтернативы, культ искусства, научный позитивизм.

RELIGION AND ITS ALTERNATIVES

Abstract: This article is devoted to the substantiation of certain aspects of the social, moral, legal status of religion, evaluation from the standpoint of natural and supernatural, comparative analysis of religious and non-religious faith, disclosure of social guidelines and the meaning of human life, determined by religion and atheism, directed against the legal discrimination of atheism.

Keywords: religion, secularism, alternatives, art cult, scientific positivism.

Религиозная потребность стала экуменически ощущаться во всей Европе с начала XIX века. Она действительно была подготовлена трудами Руссо еще в 1762 году, а в Англии – еще более ранней проповедью Джона и Чарльза Уэсли, основателей методизма. Уцелевший атеизм и материализм философов

XVIII века был на самом деле большим стимулом для религиозного возрождения начала XIX века, чем что-либо другое французская революция сделали, вкратце, чтобы заменить устоявшиеся религии [1, с. 131].

Когда в 1800-х годах римско-католической сочинениях Шатобриана и Lamennais во Франции, неокатолического движения в Англии, и в трудах Шлейермахер и его последователи в Германии начали действовать, их успех был обусловлен теми же условиями, что сделал романтический, немецкий идеализм, и все «биологические» аналогии получится: великая жажда вызвана сухой абстракции в сознательном возрасте нужна была закалка. Религиозный пыл, художественная страсть и «готические» системы философии заполнили пустоту, созданную прежними простыми и механическими формулами [1, с. 132].

Религиозное возрождение, католическое или протестантское, также направлено на достижение политических целей. Их участники опасались продолжения в XIX веке секуляризма и всецело материальных планов. Во всех странах либералы предлагали создать во имя терпимости («безразличия», говорили христиане) правительства, которые служили бы исключительно практическим (по сути, коммерческим) интересам. Церковь и государство должны были быть разделены, образование должно было быть светским, что на самом деле означало бы антирелигиозность.

Национальные традиции были бы нарушены, забыты, и молодежь выросла бы в «экономического человека», бентамит-утилитариста, без интуиции невидимых реальностей, без чувствительности к искусству или природе, без смирения и без врожденной морали или разрешения для их диктата.

Это стремление к обновленной вере и страсти, однако, нашло альтернативные цели. Одним из них был научный позитивизм, другим – культ искусства. Название позитивизм – это творение Огюста Конта, французского мыслителя математического склада ума, который в 1824 году начал предлагать

философию естественных наук, противостоящую всей метафизике. Наука, по мнению Конта, доставляет непоколебимую истину, ограничиваясь констатацией отношений между явлениями. Она не объясняет, а описывает – и это все, что нужно знать человечеству [1, с. 133]. Из физических наук вырастают социальные и умственные науки в правильной градации (Конт придумал слово социология), и из них человек со временем научится жить в обществе.

Разработав эту суровую систему, Конт обнаружил более мягкие эмоции через женскую любовь, и он изменил свой план, чтобы обеспечить «религию человечества» поклонением мирским святым, в соответствии с политическим устройством, которое сочувствующая Мельница тем не менее описала как «правительство осажденного города» [3, с. 296]. Конт не привлекал многих ортодоксальных учеников, но влияние его позитивизма было очень велико вплоть до недавнего времени. Не только в Европе, но и в Южной Америке она сформировала определенный тип сознания, который сохранился до наших дней среди некоторых ученых и многих инженеров.

Вторая «религиозная» альтернатива – культ искусства – имела еще большую силу, являясь в настоящее время главным выходом для духовности среди западных интеллектуалов. В романтический период этот пыл сочетался с любовью к природе и идолопоклонническим восхищением гениальным человеком, начиная с Наполеона. Писатель столь же трезвый, как В. Скотт, мыслитель столь же убедительный, как Гегель, так и такой скептический художник, как Берлиоз, все могли сказать, что для них искусство и его мастера были религией; и они были не одиноки. После смерти Гете в 1832 году Гейне выступил против последователей великого человека, которые сделали искусство единственной реальностью.

Во втором и третьем романтических поколениях, родившихся около 1820 года, религия искусства стала еще более выраженной и приобрела антисоциальный оттенок, который с течением времени становился все более и

более выразительным. Искусство ради искусства кончилось оно тем, что означало, между прочим, «искусство судьи общества и государства». «Это учение было подробно изложено романтическим поэтом Готье еще в 1835 году в предисловии к его занимательному и сексуально смелому роману «мадемуазель де Мопен» [3, с. 297].

На этих страницах знакомый аргумент против буржуазного мещанства, против практической полезности, против господствующей скуки, уродства и неправильности повседневной жизни был изложен с большим остроумием и тем духом неповиновения, который обычно считается принадлежащим к 1890-м или нынешним дням. Его появление тогда является лишь еще одним доказательством того, что романтизм был всеобъемлющей культурой, из которой впоследствии возникли стили, мысли.

В течение полувека, когда романтизм развертывал свои таланты и идеи, политические умы внутри или вне романтической культуры были заняты попытками решить – каждая партия или группа или теория по-своему – наследие из 1789 года. Было, по меньшей мере, полдюжины великих проблем, требующих внимания и возбуждающих страсть. Одним из них было выполнение революционного обещания дать всей Европе политическую свободу – право голоса для всех людей, свободную прессу, парламент и письменную Конституцию. Между 1815 и 1848 годами по этой причине произошло много вспышек болезни. Неуклонно успешные во Франции и Англии, они были подавлены в Центральной и Восточной Европе под репрессивной системой Меттерниха [2, с. 114].

Вторым вопросом было сохранение территориальных договоренностей договоров, которые завершили Наполеоновские войны на Венском конгрессе в 1815 году. Шпионы и генералы Меттерниха также работали над тем, чтобы сохранить эту часть постнаполеоновского мира нетронутой; то есть границы, которые часто связывали (или разделяли) национальные группы для

поддержания династических интересов. Кроме Бельгии, всплеск национальных.

В отличие от либеральных, устремления по всей Европе были неудачными в 1830-х гг. Эти поражения только укрепили решимость, особенно в Германии и Италии, где неоднократные вторжения французов в течение революционного периода привели к реформам и стимулировали как королевские, так и народные амбиции.

В этих двух регионах либерализм и национализм слились в одну нескончаемую агитацию, в которой участвовали не только политические активисты, но и интеллектуалы элиты. Поэты и музыканты, студенты и юристы объединялись с журналистами, ремесленниками и добрыми буржуа в открытых или тайных обществах, работающих за независимость: все они были патриотами и все более или менее проникнуты романтическим отношением к народу как к создателю живой культуры, которую нация должна была лелеять и защищать [2, с. 115].

Разумеется, этот патриотический союз сердец не означал согласия в деталях будущих политических государств, и такая же разобщенность существовала на Западе, в Англии и Франции, где либералы, лишь наполовину удовлетворенные компромиссами 1830 и 1832 годов, почувствовали толчок новых радикальных требований со стороны социалистов, коммунистов и анархистов. Еще сильнее это давление усиливалось беспорядками, вызванными индустриализацией – притязаниями рабочих на общество, выраженными в забастовках, профсоюзах или (в Англии) требованиях чартистов «Хартии» полностью демократического парламента.

Эта группа партий агитировала за перемены, которые выходили далеко за рамки того, что сами передовые либералы еще не завоевали. Добавьте к этим движениям те, которые намеревались стоять на месте или восстанавливать прежние системы монархии, религии или аристократии, и нетрудно понять, почему великая революционная печь 1848-1852 гг. была

катастрофой для европейской культуры. Четыре года войны, изгнания, депортации, предательства, государственные перевороты и суммарные казни потрясли не только жизни и режимы, но и сердце, и волю выживших [2, с. 116].

Долгожданная эволюция каждой нации и будущего народа, а также стремление к миру в Европе были сломлены и вместе со всеми другими надеждами и фантазиями оказались смешными. Начались поиски новых путей достижения, с одной стороны, стабильности, а с другой – окончательной отчаянной революции, которая должна была привести к хорошему обществу.

Использованные источники:

1. Наука и богословие: антропологическая перспектива / Под ред. В.Н. Поруса. М.: Библейско-богосл. институт св. апостола Андрея, 2004. 316 с.
2. Наука и религия. Междисциплинарный и кросс-культурный подход. Научные труды / Под ред. И.Т. Касавина. М.: Наука, 2006. 472 с.
3. Швечиков А.Н. Религия, философия и наука в западной цивилизации. СПб.: Питер, 2006. 322 с.